

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Николай открыл глаза и увидел потолок; осторожно, чтобы не потревожить жену, повернул голову и посмотрел на окно, за которым было темно и тихо. Тихо было и в доме и, наверное, во всем мире. Зимний рассвет не спешил, звезды перемигивались молча, и в близком лесу ничего интересного не происходило.

— Ты не спишь? — шепотом поинтересовалась Лена.

— Нет, — ответил Францев, — думаю.

— Вот и я, — вздохнула жена, — боюсь заснуть. Все кажется, что закрою глаза, засну, потом проснусь и все — сказка закончилась: мы снова в нашей комнатке в малюсенькой квартире. Со стенами такими тоненькими, что слышно, как по ночам сосед дядя Вася ходит в туалет.

— Я тоже об этом думаю, — признался Николай, — не про соседа, конечно, а вообще, за что нам такое счастье? То есть я знаю, что это все Паша Кудяров устроил. Марина ему дом решила подарить, а он в мою пользу отказался.

— Неудобно получается, — шепнула Лена и вздохнула, — у нас такие хоромы теперь, а он в Москве на служебной площади мается.

— Как-то надо с ним поделиться, что ли, — предложил Францев.

Он мог бы не говорить, потому что они много раз обсуждали это. Кудеяров сделал предложение внезапно, Николай сразу отказался, но друг настаивал — тем более что документы все были им подготовлены. Оставалось только подпись поставить, что Францев скрепя сердце сделал. Конечно, не совсем скрепя сердце, как раз наоборот — сердце разрывала неожиданная радость. Но все равно было понятно и ясно как божий день, что таких подарков судьбы не бывает. И вообще за все в жизни надо платить, и потому Николай, пораскинув мозгами и посоветовавшись с женой, решил продать подаренный ему роскошный особняк, купить выставленный на продажу маленький простенький домик и переселиться туда. А разницу отдать Кудеярову. Лена с радостью поддержала эту идею, но потом, когда узнала, что в этом маленьком домике произошло то самое убийство девушки с собачками¹, наотрез отказалась, сказав, что ей и в городской квартирке неплохо живется, потому что не важно, где ты живешь: важно — с кем. А в тот домик въехал местный житель Дробы-

¹ Читайте об этом в романе Екатерины Островской «Дама с чужими собачками».

шев, который выгодно продал свой дом, перебрался в тот маленький, а всю прибыль, полученную от реализации особняка, вложил в свой рухнувший внезапно бизнес. Так что Францевым пришлось остаться жить в кирпичном особняке.

И все-таки они избавились от своей городской квартирki, хотя расставание прошло со слезами на глазах. Плакала, конечно, одна Лена. Всю выручку Николай сразу хотел отдать Кудеярову, но тот отказался под предлогом, что Коле еще налог на дарение платить придется, а там немаленькая сумма может получиться...

Далеко-далеко в тишине за еловым лесом простучал колесами поезд: можно даже не смотреть на часы — скорый Петрозаводск — Петербург: значит, сейчас 04.55. Можно было еще пару часов подремать, но спать не хотелось. Какое счастье просто лежать, потому что реальность лучше любого сна. Когда-то очень и очень давно в далеком и счастливом советском прошлом у Францевых на четверых была маленькая квартирка на окраине, две смежные комнаты: в одной обитали родители, а в другой Колька с младшим братом на одном диване, потому что второй уже не влезал в их комнатенку. И все равно всем хватало места и радости, потому что так жили все или почти все: кто-то, может, и лучше, например академики, известные артисты и работники продуктовых магазинов, но ведь кто-то и двух комнат на четверых не имел. Не стало отца, потом в Чечне уби-

ли брата, мама, узнав об этом, умерла. Вскоре Николай привел в квартирку жену, у которой не хватало времени приготовить ужин, потому что она не отрываясь смотрела подряд все мексиканские сериалы. Правда, у нее нашлось время сначала приватизировать жилплощадь на себя и на мужа, а потом завести любовника и самой же подать на развод. Для нее это была жилплощадь, а для Коли единственное место на свете, где были знакомые с детства запахи и воспоминания об ушедшем счастье. На суде жена с гордостью заявила, что беременна от любимого мужчины, и предъявила справку — не о том, что мужчина был любимым, а о том, что она беременна. Николаю она выплатила компенсацию за его долю собственности в квартире, принадлежавшей когда-то его родителям. Компенсации едва хватило на девятиметровую комнатенку в коммуналке, то есть совсем не хватило — пришлось еще и кредит брать. Точного количества своих соседей Францев так и не узнал, но утренние очереди в туалет были бесконечно длинными. А потому, когда поступило предложение пойти участковым в маленький городок, Николай долго не раздумывал, потому что к новой должности полагалась служебная жилплощадь без соседей.

И вот теперь чем это кончилось... Вернее, не кончилось, а как раз наоборот, все только начинается. Теперь у Коли любящая молодая жена, двое детишек: мальчик и девочка, а скоро будет и третий. А еще есть огромный дом с тремя спальнями на вто-

ром этаже и кабинетом, который, если честно, Францеву не нужен вовсе. Зато в перспективе — у каждого ребенка будет по своей собственной отдельной комнате. Николай представлял все это и улыбался. Так и заснул с улыбкой на лице, не дождавшись утра.

Разбудила его жена. Лена поцеловала его и шепнула:

— Начало девятого. Завтрак на столе.

— Зачем ты вот так носишься с этажа на этаж, — пожалел жену Францев, — тебе же рожать через два месяца.

— А кто тебя кормить будет? — рассмеялась Лена и добавила: — Мне полезно много двигаться.

На завтрак был винегрет, потом ветчинные сосиски с картофельным пюре и зеленым горошком, поджаренные в тостере белые хлебцы с сыром и чай с лимоном. И когда все закончилось, как будто дождавшись этого момента, зазвонил мобильный.

— Подполковник Францев? — раздался незнакомый голос. — Вас беспокоят из городского следственного комитета. Вы будете через пару часов в коттеджном поселке «Ингрия»?

— Буду, я и сейчас там. А что случилось?

— Вчера был обнаружен труп некоего Дробышева. Знаете такого?

— Знаю. Обычный человек. Работящий. Бизнесмен, но руки у него из правильного места растут. То есть, как я теперь понимаю, росли. А как его убили?

— Ножом в собственной машине.

— У него была трехдверная «Нива», — продолжил Николай. — Значит, сзади убить не могли, только с правого пассажирского сиденья. В машине был кто-то, кого Эдик знал. А значит, это не заказуха, скорее всего поссорился с кем-то... Но вообще Дробышев был не из склочных. Может, по бизнесу что-то с кем-то не поделил.

— Выводы пока делать рано, — произнес сотрудник следственного комитета. — Я бы хотел подъехать к вам и узнать, какие у него были отношения с соседями. С кем он общался близко, может, что-то кому-то рассказывал о своих проблемах, о поступающих в его адрес угрозах. Если вы заняты сегодня, то постарайтесь отложить все другие встречи.

— Подъезжайте, — сказал Николай, — сегодня я весь день буду в поселке. Приемные часы у меня только завтра.

— Но тогда и вы поговорите с людьми: всех ведь мне одному все равно не обойти. А вы лучше других знаете, к кому и как можно обратиться. Прямо сейчас и начните.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Диденко шел вдоль дороги, склонившись от встречного ветра, швыряющего ему в лицо пригоршни снега. Немецкая овчарка, которую он вел на поводке, также жмурилась и прятала голову за ногу

хозяина. Юрий Юрьевич уворачивался не только от снега: он увидел подъезжающую к нему полицейскую «Ниву» и, вероятно, хотел уклониться от встречи. Францев остановил машину и вышел.

— Доброе утро, — произнес Николай, — у вас найдется полчаса для беседы?

— Если хотите беседовать, то вызывайте повесткой. Но мне нечего вам сказать и желания беседовать тоже нет. Все уже обговорено и с вами и вашими коллегами. Вы обвинили невинного человека в особо опасном преступлении, которого она не совершала. Теперь моя жена по вашей милости четвертый месяц находится в вонючем следственном изоляторе. А у нее хронические заболевания, между прочим.

— Была бы невиновна, — возразил участковый, — ее бы там не держали.

— А были бы доказательства вины, ее посадили бы сразу. А сейчас неизвестно даже, когда суд. Мы с адвокатом прошение подаем, чтобы ей изменили меру пресечения... Она же очень страдает там. И все это из-за вас с вашим московским дружкой. С чего вдруг вам утверждать, что она кого-то убила?

Подобная наглость так поразила Францева, что он даже за голову схватился.

— Вы серьезно? Она же на меня с ножом бросилась. А потом на ней два только доказанных убийства.

— А вы в курсе, что там расследование проводилось с обвинительным уклоном? — перешел в на-

ступление Диденко. — Наташа даже понятия не имела, что ее в чем-то подозревали.

— Потому что сбежала, сменила фамилию и имя.

— А про срок исковой давности вам что-нибудь известно? С момента того преступления, которое она даже не совершала, прошло больше пятнадцати лет, так что можете забыть о ее вине, которой и так не было. А то, что вы сейчас шьете ей, вообще ни в какие ворота. Подумать только: хрупкая женщина с хроническими заболеваниями и тонкой душевной организацией вдруг напала на полицейского во время исполнения им служебных обязанностей. Какие обязанности ночью в чужой квартире? При чем вы там были не один, а с молоденькой девушкой. Вам не стыдно? Женатый человек!

— А ваша жена с какого перепугу вломилась в чужую дверь и с ножом набросилась на меня?

— Никто на вас не набрасывался! Вы и сами это прекрасно знаете. Моя Наташа заявила еще при задержании, что она поднималась по лестнице и увидела, что дверь одной из квартир приоткрыта, а возле дверей лежит кинжал. Она подняла его и хотела положить внутрь квартиры, не успела даже за ручку двери взяться, как на нее набросились двое здоровенных мужчин: участковый Францев и второй, оказавшийся сотрудником Следственного комитета России, место работы которого в Москве. А что он делал в нашем городке глубокой ночью в квартире, которую снимает, то есть снимала, директор нашего Дома культуры?..

Николай решил не спорить, тем более Диденко специально завел этот разговор, чтобы не общаться по существу.

— И где теперь некая Нина Лосева, которая огульно обвинила мою жену в подготовке покушения на нее? — продолжил Юрий Юрьевич. — Где? Почему не является на допросы и очные ставки?

— Короче! — прервал его монолог участковый. — Все вопросы к следствию. А у меня другая тема. Можете не общаться со мной сейчас, но потом все равно придется явиться по повестке. Иначе привезут под конвоем, тогда еще и штраф заплатите. К тому же будущее вашей жены меня мало волнует. Это суд определит, а у меня ряд вопросов лично к вам по поводу вашего нового соседа.

— Эдика? — удивился Юрий Юрьевич. — А он-то что натворил?

— Так вы собираетесь продолжить беседу?

Диденко покрутил головой, оглядывая окрестности и раздумывая, потом поежился и согласился с неохотой:

— Ладно, но к вам сейчас не поеду, разумеется. Мне еще на работу надо успеть. Давайте, что ли, ко мне зайдем, а то на улице холодно что-то, вроде март сейчас, а продирает так, словно январь.

Францев и не собирался вести беседу, стоя возле своего автомобиля и прикрываясь от снега. Он открыл дверцу «Нивы», и собака тут же пробралась на заднее сиденье, а Диденко расположился на пас-

сажирском, не предполагая, очевидно, что машина тронется с места.

А когда «Нива» поехала, покрутил головой, глядя в окна.

— А мы куда это?

— К вам, Юрий Юрьевич. Вы человек занятой, времени у вас мало. Начнете на работу собираться, а я стану задавать вопросы.

— Так что же все-таки Дробышев натворил? — спросил Юрий Юрьевич.

Участковый промолчал.

— Если я отвечу на все ваши вопросы, это как-то поможет Наташе? — продолжил Диденко.

— Возможно.

«Нива» остановилась у ворот. Мужчины вышли, следом выскочил пес и потянул хозяина к калитке, понимая, что сейчас его будут кормить.

— Очень по Наташе скучает, — вздохнул Юрий Юрьевич, показав на собаку, и добавил: — Мы вместе с ним скучаем.

Николай понимал прекрасно, что Диденко говорит все это не просто так, и грусть у него наигранная. Скорее всего, Юрия Юрьевича разрывает от злости, от ненависти к нему — простому участковому, который задержал его жену и в протоколе указал, что Диденко Наталья набросилась на него с ножом и дважды пыталась ударить его, оставив на его шее царапину от уха до ключицы. А еще наверняка Юрия Юрьевича бесит тот факт, что мент-нище-

брод теперь непонятно как стал обладателем особняка в элитном коттеджном поселке.

Они вошли в дом, и сразу хозяин не преминул уколоть незваного гостя:

— Не обращайтесь внимания, — вздохнул Диденко, — что в доме не прибрано: хозяйка — сами знаете где, а мне недосуг, да и желания особого нет. — И, увидев, как Францев снимает куртку, добавил: — Можете не разуваться, грязи и без вас достаточно.

Это было уже грубо, но участковый стерпел. Да он и не ожидал другой встречи, а потому сразу приступил к делу.

— Мне известно, что у вас с Дробышевым были неприязненные отношения.

— Ничего подобного, — возразил Диденко, — мы не дружим — это правда, но здороваемся при встрече. Хотя, впрочем, он ко мне с претензиями пытался подъехать, мол, твоя жена Алечку убила. Кто ему такое наплел? Но потом, уже после того как он стал совсем уж близким соседом, пришел ко мне с бутылкой: мол, забудем прошлые обиды, кто старое помянет... А еще интересовался, когда суд будет. С таким злорадством спрашивал, как будто собирается туда прийти и потешаться.

— Понятно, — кивнул Францев, — машину ему вы отремонтировали?

— «Мерседес»? Не ремонтировал. Так он и не обращался ко мне никогда. Видимо, обслуживался

на фирменной станции или как-то сам справлялся. — И наконец Юрий Юрьевич вспомнил: — Так он же продал свой «мерс». Теперь у него «Нива», а ее-то чего ремонтировать: разумеется, там любой дурак справится...

Диденко замолчал и вдруг до него дошло.

— Вы спросили, какие были с ним отношения... Были? То есть вы хотите сказать, что Эдика нет больше?

Николай кивнул.

— На машине разбился? — выдохнул Юрий Юрьевич.

— Почему вы так решили?

— Так вы интересовались, кто ему машину ремонтировал. Вот я и подумал.

— Не на машине. Его в городе убили. Там этим делом местные занимаются, а меня попросили опросить соседей и узнать, у кого с ним были неприязненные отношения.

— А почему вы меня об этом спрашиваете? — удивился Диденко. — С народом поговорите, с другими соседями. И потом, он же с какой-то девицей теперь живет.

— Жил, — поправил Францев.

— Разумеется, — согласился Диденко, — а как его убили?

— Ножом в сердце.

— Да вы что? — не поверил Юрий Юрьевич. И тут же встрепенулся: — Вам не кажется, что это

уже само по себе о чем-то говорит? Мою Наташу сейчас судить будут за убийства, которые она, я уверен, не совершала, и вот подтверждение моей правоты. Только дурак может поверить, что Наташенька кого-то убивала ударом ножа в сердце.

— Это вы кому говорите! — вскипел участковый. — Я ее, как вам известно, лично брал, так она меня дважды ножом достать пыталась. В грудь меня саданула, если бы не книга в кармане, прямо в сердце попала бы, а потом еще в горло хотела.

— Да потому что вы на нее напали, и она защищалась... Темно было.

— Темно было в чужой квартире.

— А вам лишь бы посадить невинного человека. Вам же за мою Наташку миллион рублей премии выписали. Это все знают. А потом вы дом здесь купили. А здесь сами знаете какие цены. Вон Эдик Дробышев продал свой за тридцать миллионов... Не успел выставить на продажу, сразу нашелся покупатель... — Юрий Юрьевич замолчал и продолжил: — Так, может, его из-за денег убили?

— Там солидный покупатель, — покачал головой Францев, — у него серьезный бизнес: он семенами торгует.

— Семенами? — вскричал хозяин дома. — Мошенник, значит. Мы с Наташей как-то купили и помидоры, и огурцы... много чего разного, но ничего не выросло. Разве что какие-то сорняки, сурепка да тимофеевка — так Наташа сказала. Пришлось потом все

вырывать и почву просеивать... Вы же знаете, моя Наташенька специалист по растениям. Она посмотрела на пакетики с семенами и сказала, что это предприятие Синицы, а значит, товар хороший, потому что его везде рекламируют. Надо будет в глаза этой Синице посмотреть.

— Вам это так важно сейчас, у кого вы купили эти семена?

— Да мне, разумеется, по большому счету по барабану, кто людей дурит. Мы в магазине купили эти пакеты, да там и цена копеечная. Это вы про семена вспомнили.

— Я? — удивился Николай. — Я вас спрашивал про Дробышева, были ли у него враги или недоброжелатели.

— Я вам и ответил, что не знаю. Стоило приходить. Спросили бы на дороге, и я сказал бы, разумеется.

Николай едва сдержался, но, с другой стороны, сам виноват: ведь знал, что Диденко откажется что-либо обсуждать с ним, считая участкового виновным в том, что его жену задержали. Но ведь ее взяли не просто так...

— Вот это поворот, — не мог успокоиться хозяин дома, — пока моя супруга парится в следственном изоляторе, настоящий убийца и не думал успокаивается... Череда загадочных убийств не закончилась. И будет продолжаться, разумеется, на зло вам!

— А где вы были вчера вечером в районе двадцати — двадцати тридцати?

— Так я целый день дома находился, — не удивился вопросу Диденко. — Можете на КПП проверить, выезжал или нет. И записи с камер проверить. Из дома выбирался разве что к Вадиму Каткову: он просил меня сделать диагностику его автомобиля. А что касается Эдика, то поговорите с его нынешней девушкой. Он, как вы сами знаете, недавно за Алей покойной ухлестывал, но безрезультатно...

— В отличие от вас, — проявил свою осведомленность участковый, — а потом о вашей связи узнала Наташа, и вот...

— Какая еще связь! — возмутился Юрий Юрьевич. — Не было между нами ничего, и если вам кто-то что-то наболтал, то это, разумеется, самый настоящий бред. И вообще: Дробышева, по вашим словам, убили в другом районе, да и вообще не в нашем регионе, а значит, расследованием занимаются другие люди. Вы-то чего активность проявляете? Вы кто? Участковый? Вот и занимайтесь профилактикой правонарушений на своем участке. А то за год три убийства у вас.

— Два, — поправил Николай и поднялся. — И учтите: убийца задержана и очень скоро суд вынесет ей суровое, но очень справедливое наказание.

— Ну-ну, — усмехнулся хозяин дома, — а вот адвокат сказал, что доказательств у обвинения нет никаких, кроме слов — ваших и вашего дружка Кудярова.

— Посмотрим, — ответил Францев, выходя в прихожую.

Он снял с вешалки куртку, надел, посмотрел на себя в зеркало и поразился спокойному выражению своего лица.

— А что, если Наташу оправдают? — продолжал злорадствовать за спиной Диденко. — Что тогда? Вы об этом подумали? Вам придется перед нами извиняться, но лично я в ваших извинениях не нуждаюсь. Вы оплатите нам все судебные расходы. И моральный ущерб, разумеется. Средств у вас хватит: вы теперь богатый человек.

Николай, не отвечая и не прощаясь, вышел на крыльцо. Смысла сюда приходить не было, это было ясно сразу, но он все же пришел. Для чего? Позлорадствовать или просто хотел узнать что-то? Прошло почти четыре месяца, как взяли Наталью Диденко, но следственные действия продолжаются. Неужели она уйдет от ответственности? Был бы рядом Кудеяров, он бы разобрался во всем, навел бы порядок.

Николай шел через двор и чувствовал, как спину ему прожигает насмешливый и ненавидящий взгляд Диденко, очень хотелось обернуться и ответить ему хлестким и метким словом, но что сказать, Николай не знал, ничего умного в голову не лезло, а ругаться лишний раз и по-пустому не хотелось. И вообще зря он затеял этот разговор!

Николай вышел на дорогу и остановился возле своей «Нивы». Смысла обходить жителей поселка и расспрашивать всех подряд, у кого были неприязненные отношения с убитым Дробышевым, не было никакого: он и так хорошо знал все, что здесь творилось.

Больше года назад Дробышев развелся, когда узнал о романе своей жены с его же бизнес-партнером. Жена забрала себе фирму и городскую квартиру, а Эдуарду достались свобода и загородный дом. Кудеяров назвал это неэквивалентным обменом, но что имел в виду Павел, Францев тогда не понял. Но Дробышев, которому пришлось самому сидеть за баранкой «Газели», развозя заказанный в «Строймаркете» товар, на свою новую свободную жизнь не жаловался. А недавно он выгодно продал свой дом, приобрел другой, маленький, но уютный — тот самый, о котором когда-то мечтал сам Францев. Тут же Дробышев реанимировал свою транспортную компанию и вроде начал разворачиваться. И даже сошелся с какой-то молодой женщиной: ту Николай видел пару раз, когда она проезжала в машине Эдуарда, сидя на переднем пассажирском сиденье. Участковый особо не рассматривал ее, но на беглый взгляд женщина показалась ему уж очень молоденькой, особенно если учесть, что самому Дробышеву было сорок семь лет.

Навстречу ехал какой-то серый автомобиль, который остановился и поморгал фарами. Францев

подъехал, остановил свою «Ниву», вышел. Из другого автомобиля выбрался мужчина лет сорока пяти, протянул руку и представился:

— Подполковник юстиции Егоров, городское управление следственного комитета. Это я вам утром звонил.

По борту не самой новой серой «Ауди» тянулась надпись «Следственный комитет».

Николай назвал себя и, показав на автомобиль Егорова, поинтересовался:

— А вам всем «Ауди» дают? А то недавно приезжал Кудеяров, так у него «Ауди Q7».

— Где он, а где мы, — вздохнул Егоров. — Павел Сергеевич в центральном аппарате, а мы тут, на земле нашей грешной.

Он даже не удивился, услышав, что местный участковый знаком с заместителем начальника одного из управлений следственного комитета. Вероятно, Егорова в этом плане просветили.

— Знаете, где дом Дробышева? — спросил подполковник юстиции.

Францев кивнул, но тут же предложил показать бывший дом Эдуарда Ивановича, который тот недавно продал за тридцать миллионов рублей.

— С ним рассчитались полностью?

— Сейчас и узнаем. Но мне кажется, что он получил деньги. Он, может быть, и казался кое-кому простачком, но на самом деле был далеко не дурак.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

На территорию, где располагался бывший дом Эдуарда Дробышева, их попытались не пропустить. Здоровенный парень с безразличным лицом, глядя куда-то за спины Францева и Егорова, сказал, что здесь частная территория. Он сообщил это, как будто не заметив на плечах Николая погоны подполковника полиции. И даже когда сотрудник следственного комитета предъявил ему свое удостоверение, парень покачал головой и повторил:

— Здесь частная территория.

— Слушай сюда, — не выдержал Егоров, — я на работе, и если ты будешь мне препятствовать, я вызову специально обученных людей, и вопрос будет решен быстро.

— Я тоже на работе и не хочу ее терять.

— На работе? — переспросил Егоров. — Тогда ты попадаешь под третью часть двести девяносто четвертой статьи, а это до четырех лет лишения свободы плюс три года лишения права заниматься охранной деятельностью. Уяснил? Если ты телохранитель, то иди и охраняй тело, а не стой столбом у ворот. Ты должен оказывать помощь правоохранительным органам, а не препятствовать им.

Парень напрягся, вздохнул, но пропустил их. И пошел следом. Во дворе перед домом стоял светло-коричневый внедорожный «Бентли». Обходя его, Францев заглянул в окно автомоби-

ля и сказал, что ничего не видно — стекло тонированное.

В доме шел ремонт, рабочие укладывали напольную плитку. Заказчик стоял посреди гостиной и внимательно рассматривал то, что получалось. Увидев вошедших, он не стал возмущаться, кинул на них быстрый взгляд и снова устался в пол.

— По какому вопросу? — спросил он.

— Гражданин Синица, — обратился к нему Францев, — пара вопросов к вам и мы уходим. Первый вопрос: с бывшим владельцем дома вы рассчитались полностью?

— А в чем дело?

— Господин Дробышев вчера был обнаружен мертвым, — объяснил подполковник юстиции, — смерть, судя по всему, насильственного характера. Вот мы и пытаемся выяснить.

— Ну что же, попробуйте, — усмехнулся хозяин дома, — только я-то тут при чем? Что касаясь оплаты за дом, то она была проведена, иначе сделка не была бы зарегистрирована. А с бывшим владельцем дома... как его... я не знаком: сделка была оформлена через риелторскую контору, и деньги через них прошли. Я перевел на их счет тридцать пять миллионов, и мне через неделю принесли документы на право собственности.

— Тридцать пять миллионов? — удивился Николай. — А бывший хозяин получил всего тридцать.

— Тридцать пять лямов — еще немного для этого места, — снисходительно произнес владелец дома. — Когда у вас будет достаточно средств, сможете сами здесь что-нибудь приобрести.

— Подполковник Францев в этом же поселке проживает, — сказал Егоров.

Очевидно, и в этом плане его просветили перед встречей с участковым.

— Ну и как тут вам живется? — поинтересовался, не удивившись этому обстоятельству, Синица.

— Мне нравится. Возвращаюсь домой, сажусь у камина, смотрю, как горят дрова...

— Рядом бутылочка хереса, — подхватил повеселевший внезапно Егоров, — сами понимаете...

— Какой еще херес! — возмутился новый владелец дома. — Хорошее вино хересом не назовут. Я предпочитаю итальянские вина: бароло, барбареско, бардолино, барбера...

— Понты все это, — не выдержал Францев, который все еще не пришел в себя после общения с Диденко, — не важно, какое вино, важно, с кем его пьешь, потому что в выпивке самое главное — это хорошая компания и приятный разговор.

Синица перестал смотреть себе под ноги и поднял глаза:

— В вашем доме какой пол?

— Плитка мраморная.

— А у меня, как вы можете убедиться, будет из оникса. И ходить по нему буду только я один, пото-

му что живем мы все один раз и для души, а не для какой-то компании. Я этот домик купил для себя, чтобы приезжать сюда и отдыхать.

— А жена, дети? — удивился Николай.

Синица посмотрел на него внимательно и ничего не сказал.

— Аркадий Борисович, — обратился к нему подполковник юстиции, — а вы бы могли...

— Нет, — не дал договорить ему хозяин, — не могу и не хочу. Даже если бы знал что-то, вряд ли бы вам сообщил, но мне ничего не известно. И вообще, вы сказали, что пришли задать всего пару вопросов.

— Вопросов больше нет, — произнес подполковник юстиции Егоров.

Они не успели выйти, как за спиной прозвучал голос хозяина:

— Петя! Или как тебя там. Сегодня до конца дня ты со мной будешь. А с завтрашнего пусть другого присылают, не такого тупорылого. Ты уволен!

— Ого! — негромко удивился следователь. — Какие мы строгие, хотя если пол из оникса, то все понятно.

Они вышли во двор, Егоров еще раз посмотрел на особняк, потом глянул в глубь участка.

— А там что, сарай?

— Там не сарай, а шикарная баня из калиброванного бревна лиственницы. Убитый накануне Дробышев ее построил для себя. Внутри сауна и ха-

мам, а еще купель из лиственницы размером два на два метра...

Егоров посмотрел на Николая:

— А как ты здесь дом отхватил?

— Устал всем объяснять. Это мне Кудеяров устроил. В теперь уже моем доме проживала одна пара — бизнесмен и его жена, она же его бизнес-партнер и технический директор. И вот бизнесмен завел себе другую, и так сам завелся, что решил свою жену убить, чтобы не разводиться и ничего не делить, и жениться на новенькой. Павел Сергеевич это дело раскрыл¹. Спасенная им женщина получила в полное распоряжение раскрученный мебельный бизнес и в благодарность решила подарить своему спасителю, то есть Кудеярову, этот дом. А Павел Сергеевич не такой, он ведь ни копейки... Ну, вы и сами, вероятно, хорошо знаете, какой он бесребреник...

— Да-да, — поспешил подтвердить Егоров, — у нас в следственном комитете все такие.

— Ну вот, — продолжил рассказ Николай, — долго наседали на него эта бизнесвумен, а он — ни в какую, она жмет еще больше, а он в отказ. И в один прекрасный момент говорит ей: «А вы подарите свой дом, коли он так вам не нужен, Коле Францеву, а то он с женой и детьми ютится в малюсенькой

¹ Читайте об этом в романе Екатерины Островской «Двери в темное прошлое».

квартирке и от областного управления ему никакой поддержки и сочувствия». И она, к нашему общему удивлению, подписала все бумаги. И теперь мне налог на дарение платить, а там такая сумма может получиться, что материнского капитала не хватит.

— Повезло, — вздохнул Егоров.

— Еще как повезло, — согласился участковый.

— Ну и ветра у вас тут! — сменил тему разговора следователь. — Вроде март, а так задувает! Да еще и со снегом. Откуда вдруг?

— Я позавчера проводил разъяснительную работу с одним гражданином, который проходил мимо местной школы в пьяном состоянии. От него разит, но он уверяет, что трезвый, а то, что качается, то это всего-навсего оттого, что изменилась земная ось — она наклонилась, и магнитные полюса сместились. Северный магнитный полюс вообще в нашу сторону попер, и теперь у нас климат будет меняться: был умеренно континентальный, а будет резко континентальный, то есть летом жара невыносимая, а зимой сорокаградусные морозы, как в Сибири. Вот такие образованные люди живут в нашем Ветрогорске.

— И что же ты ему сказал?

— Сказал, что даже если ось земли наклонилась, все равно надо ходить прямо, и выписал ему штраф пятьсот рублей, — признался Францев и, не делая паузы, предложил: — Проедем-ка сейчас к одной даме, которая в курсе всего, что происходит в по-

селке. Уж если она не в курсе чего, то это не знает никто. А вот после встречи с нею поговорим с сожительницей Дробышева.

— С кем будет встреча? С какой-то наблюдательной старушкой? — догадался Егоров.

— Наблюдательная не то слово, — с некоторой грустью в голосе согласился участковый, — а насчет старушки я бы поостерегся так ее называть: эта дамочка так ножи метает, любой спецназовец позабывает.

— Ножи-и! — удивился подполковник юстиции. — Так ведь Дробышева, из-за которого мы тут страдаем под ветром, тоже ножом прикололи. Так может, его с расстояния... Хотя он в машине сидел. Но с другой стороны... Он мог сесть на водительское кресло, повернулся, чтобы закрыть за собой дверцу, и тут ножичек и прилетел... А! Может такое быть?

— Может быть все, что угодно. Только даме этой с убитым Эдуардом делить было нечего. Они действительно были знакомы, но в этом поселке все и так в той или иной степени друг друга знают... Делить дамочке с Дробышевым нечего, к тому же у нее муж возглавляет солидный банк.

Они остановились возле служебной «Нивы» Францева, и Николай достал мобильный и набрал номер.

— Любовь Семеновна, у вас не найдется с полчаса на общение со мной и сотрудником следственного комитета?

— Что-то случилось? — переспросила Люба. — И с кем случилось? Потому что у меня и мужа все нормально. Только что с ним по телефону общалась.

— С Эдуардом Дробышевым большая неприятность. Мы хотели бы о нем поговорить.

— Но я ничего о Эдике сказать не могу. Мы же не были близко знакомы... Здоровались иногда, а так... Хотя подъезжайте — мне интересно, что же случилось, а то на улице непогода: лишний раз туда не сунешься и новостей не узнаешь. А в нашем поселковом чате пока все тихо.

Пока участковый разговаривал, подполковник юстиции что-то искал в своем телефоне.

Увидев, что Францев наблюдает за его действиями, объяснил:

— Вот ведь техника до чего дошла: не сходя с места все что угодно можно узнать и про кого угодно.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

У ворот их встретил охранник и проводил к гостевому дому, стоящему в стороне, под высокими соснами. На первом этаже располагались большой бильярдный стол и барная стойка.

— Ого! — восхитился Егоров, увидев стол. — Двенадцатифутовый. Можно и в русскую пирамиду, и в снукер.

— Играете? — спросила хозяйка.

— По возможности шары гоняю.

— А мой муж любит в снукер, но редко ему удается: соперников здесь нет, — женщина посмотрела на Францева, — может, вы заходить будете?

— Да я все больше в пинг-понг, — смутился Николай.

Люба подвела их к стойке, сама взобралась на барный стульчик. Егоров сделал то же самое, а Николай остался стоять.

— Может, по рюмочке? — предложила хозяйка.

— Мы на службе, — вздохнул Егоров.

— Какая может быть рюмочка с утра? — поддержал его Францев. — Вот в обед пятьдесят капель для аппетита да еще под борщ — это возможно...

Хозяйка посмотрела на него внимательно и спросила:

— Так что случилось с Эдиком? Почему вдруг к нему такой интерес?

— Убили его вчера вечером, — объяснил Егоров.

Люба посмотрела за окно, вздохнула.

— Если честно, то я так и подумала, когда вы позвонили. А ко мне вы пришли, потому что некоторые считают, что я в курсе всего, что происходит в поселке. Но это не совсем так. Когда меня что-то интересует, я могу кое-что выяснить, а Эдик меня не интересовал вовсе. Он простачком казался, да, вероятно, таким и был: не глупый, но открытый, и у него все на лице было написано... Но вас ведь не это интересует, где и что у него написано... Зря, конечно, он в этот дом въехал, где уже произошло убийство. Тем более

что Алечка ему нравилась, и это все знали. Дом — это ведь не просто место для проживания или точка на карте: в нем скапливается энергетика всего того, что происходит внутри. Если дом перенасыщен злобой, если в нем никогда не было любви и счастья...

Люба замолчала и вскинула брови.

— А ведь он с какой-то девушкой жил. Она жива?

— Жива, вероятно, — ответил Егоров, — но его не здесь, а в другом месте убили.

— Где?

— Да это не важно где. В городе. Когда вы его видели в последний раз?

— Станный вопрос. Я с ним вообще не встречалась специально, если вы имеете в виду, что у нас было какое-то близкое знакомство и регулярные встречи. Я вечером выхожу с Боней погулять, Боня — это моя собачка...

— Вольфшпиц, — объяснил Францев.

— Ходим вдоль дорожек с такими же, как и я, собачницами и собачниками, — продолжила Гуревич. — И другие люди встречаются. Эдик, например, давно, когда был женат на Ларочке, выгуливал ее чихуа-хуашку. А его новая девушка гуляет со своей собачкой, но без нас — игнорирует наше общество. Недавно, правда, я его тоже видела с собакой. Но он мимо прошел, сказал, что у него собака пугливая, всех боится, а когда социализируется, тогда вместе гулять будем.

— Ну вот! — неизвестно чему обрадовался подполковник юстиции. — Уже кое-что, а то говорите, что ничего о нем не знаете. Собака — это как-то характеризует человека. В смысле, наличие собаки.

— Но вам же нужна информация о его убийстве, — удивилась Люба.

— Нам нужна всякая информация о нем, — продолжал наседать следователь Егоров, — чтобы составить представление о его личности, о круге общения. О его характере, о бизнес-партнерах.

— У него были бизнес-партнеры — жена Ларочка и еще один приятель, так вот у того с женой Эдика возникли отношения, и они расстались.

— Кто с кем?

— Жена Эдика потребовала развода, и по ее же инициативе он вышел из состава учредителей компании. Компания была, конечно, так себе, но на домик в нашем поселке им с Ларочкой хватило. По разводу дом отошел Дробышеву, а доля в компании и квартира в городе — Ларочке. Недавно она мне звонила, интересовалась, как там у Эдика дела, не завел ли себе какую-нибудь. Они же развелись больше года назад. Разговаривали мы долго: я ей и про убийство Алички рассказала¹, и как Эдик по ней убивался, и то, что он их бывший дом продал, а домик Али купил. Сказала и то, что Эдик вскоре привел в этот домик новую девушку.

¹ Читайте об этом в романе Екатерины Островской «Дама с чужими собачками».

— О подробностях убийства Черноудовой ей не рассказывали? — поинтересовался Францев. — Про то, что ее ножом...

Женщина сделала вид, что задумалась, и пожала плечами.

— Сейчас уже не помню.

Участковый посмотрел на следователя, и тот понял.

— Сказали и сказали, — обратился тот к Любе, — что в этом такого: это же не тайна — все знали.

— Может, и сказала, но Ларочку это как-то не взволновало, она что-то о новом супруге говорила. Типа того, что молодой муж — это как новый автомобиль. Старый хоть и тарахтит много, но тянет, а нового того и гляди угонят.

— То есть она уже жалеет о том, что развелась? — почти радуясь чему-то, спросил Егоров.

— Похоже на то. Она еще сказала, что Геннадий патологически жадным оказался. Эдик вообще не интересовался тем, на что она тратит свои деньги, а этот требует отчета. И прибыль их фирмы резко упала. Когда я сказала, что Эдик продал дом и новую фирму открыл, Ларочка засмеялась и сказала, что у ее Гены были виды на их особнячок, а теперь он пролетает, как лист фанеры над Парижем. Но как-то с грустью она рассмеялась.

— А она сама не имела ли желания получить дом?

— Не знаю, но у них раздел имущества по суду произошел. А вообще у нас живут разные люди.

Кто-то купил здесь участок с домом и даже не заметил этой траты, а некоторые, как Дробышевы, все деньги в него вложили.

Люба внимательно посмотрела на участкового, очевидно, пытаясь понять, как он здесь оказался. В историю о том, что свой особняк Францеву подарила Марина Лужина, она явно не верила.

— Разные люди тут живут, — согласился Николай, — недавно еще один появился... Дом Дробышева купил и пол внутри меняет — ему, видите ли, требуется только из оникса.

— Красиво жить не запретишь, — согласилась Гуревич, — а насчет того, что он пол меняет, — в нынешние времена звучит очень двусмысленно.

— Будем надеяться, что он не из таких, — с серьезным лицом отреагировал Францев.

— Я тут пробил этого Синицу по нашим каналам: так за ним никакого вроде криминала, — сообщил подполковник юстиции Егоров.

— Синица, — насторожилась Люба, — уж не Аркаша ли?

— Аркадий Борисович, — подтвердил Егоров. И удивился: — А вы давно знакомы?

— Да не знакома я с ним! — уверенно заявила женщина. — В смысле, близкого знакомства не было: просто видела его неоднократно. Я же в давние времена работала в популярном ночном клубе, через который многие прошли: кто-то разок-другой, а кто-то зависал у нас постоянно — чуть ли не

каждый вечер. Таких мы знали всех. Был такой Журавлев: бандит не бандит, но внешность у него была яркая, крупный, накачанный, на шее золотые цепи разного калибра. Всегда приходил с большой компанией, так вот этот Аркаша сидел у него на хвосте постоянно. Журавлев кордебалетных девочек снимал, возил их куда-то, пытался и ко мне клеиться, но я была прикрыта серьезными людьми. А вообще девчонки говорили, что Журавлев извращенец, у них даже поговорка была, что лучше Синица в руку, чем Журавлев на голову. Но потом наш клуб взорвали, если кто не знает, но Журавлева грохнули еще раньше. И с тех пор я Аркашу не видела ни разу.

— Он к нам перебрался. Купил у Дробышева его дом, а Эдик в строение Алевтины перебрался.

— Про это я знаю, но что Синица здесь, первый раз слышу.

— Он опасен?

— Нет, — покачала головой Люба, — он всегда был шестеркой. Но сейчас времена уже не те: сейчас любой — будь он шестерка или туз — может на нары загреметь или без штанов остаться... А Аркаша был шестеркой. Его даже называли Какаду — видимо, за большой нос... Да! — вспомнила вдруг женщина. — Мне кто-то из бывших знакомых сказал в свое время, что Аркаша начал БАДа́ми заниматься и круто поднялся на этой теме.

— Какими БАДа́ми? — удивился Францев. — Биологическими добавками?

— Пустышки все это, только по телевизору тогда шла постоянная реклама: «Я, мол, за полгода сбросила девяносто килограммов, и теперь моей фигуре завидуют все модели». А еще говорили, что на продаже этих добавок можно заработать миллионы. А когда в стране не было ни работы, ни зарплаток, все бросились становиться миллионерами. Назанимали денег, набрали у каких-то дистрибьюторов и супервайзеров коробок с БАДами и кинулись распространять. А кто их брать будет, когда этими коробками у всех шкафы забиты? А за всем этим стоял будто бы Синица. Не он один, конечно, над ним тоже люди были, но перепало ему, вероятно, немало.

— Там тоже пирамида была, — подтвердил Егоров. — Сначала крупный оптовик покупал, сколько мог потянуть, и раскидывал партии мелким оптовикам, а те загоняли товар распространителям — чаще всего давали в кредит. Очень часто люди не могли реализовать, пытались вернуть товар, а там уже такая сумма набежала, что мама не горюй! Приходили бандиты и выбивали долги: забирали машины, квартиры...

— Помню, — кивнул Францев, — я тогда оперативником был. Всякие тогда бывали пирамиды. Берем мы преступника: на нем печатей ставить негде — столько судимостей, и задерживаем мы его после долгой работы при подготовке им очередного преступления. А потом суд его отпускает под подписку. Я начальнику говорю, что, мол, такое? А он

мне в ответ: так, значит, надо. А кому надо? Я к начальству по этому поводу... Раз, другой... Ну ладно, не буду подробности. И вот на обыске у одного барыги куртку снял и на вешалку повесил, потому что жарко было в квартире. А потом руководитель оперативно-следственной группы подзывает меня: «Майор Францев, покажите ваши карманы!» Я с чистой совестью вывернул, а у меня там пачка пятитысячных — и все это на глазах понятых... Естественно, меня вызвали на следующий день к начальству и приказали писать заявление о переводе, мол, не справляюсь с тяжелыми условиями службы. Хотели вообще выгнать, но, видать, пожалели: у меня за все годы ни одного взыскания, только благодарности. Звание майора сохранили — и на том спасибо. Предложили пойти служить участковым в любой район, потому что их всегда не хватает. Согласился, с условием, что будет предоставлена служебная жилплощадь. Такая нашлась как раз в Ветрогорске, вот с той поры я здесь.

— А кто тебя подставил, кто деньги в карман подкинул — с ним что? — поинтересовался Егоров.

— Подполковник Рюхин. Он через полгода ушел из управления по борьбе с бандитизмом. Был начальником подотдела, и его подчиненные почему-то героически брали шелупонь всякую, а лидеры преступных сообществ даже не скрывались, в открытую жили, по клубам тусовались. А Рюхин стал соучредителем торгово-развлекательного комплекса

и по совместительству заведовал там безопасностью. Потом, по слухам, свалил в Хорватию и теперь владеет там небольшим отелем на побережье. А я по ночам офиса охранял, чтобы было на что личный автомобиль заправить...

— Может, не надо воспоминаний? — остановил Николая подполковник юстиции. — Все сотрудники органов на своих участках выполняли свою работу с честью.

— Наш клуб менты тоже посещали, — вспомнила Люба, — но мы их всех в лицо знали, да они и не скрывались. И даже предупреждали руководство, если готовилась какая-то акция по задержанию наркоторговцев. Был как-то случай...

— Давайте вернемся к нашей теме, — не дал ей договорить Егоров. — О чем мы беседовали? Сбили вы меня с мысли.

— Говорили о бывшей жене Дробышева и ее новом муже, — подсказал участковый.

Следователь кивнул, пытаясь вспомнить, на чем прервался разговор.

— Итак, — наконец произнес он, — сами-то как считаете, могут ли быть причастны к убийству гражданина Дробышева его бывшая жена и ее новый муж?

— С чего вы так решили? — удивилась Люба. — Это вы там делаете выводы, а я только рассказала, что знала. Я же говорю, что с Эдиком близкого знакомства не водила и, что там у него с кем было, мне

неведомо. А Ларочка не способна ни в коем случае: она симпатичная молодая женщина — сама себе на уме... На убийство она вряд ли пошла бы.

Подполковник юстиции посмотрел зачем-то на Францева, словно ожидая от него подсказки, а потом поднялся.

— Ну и на том спасибо, — вздохнул он, — надеюсь, ваши показания помогут расследованию.

Они вышли из дома, потом прошли к воротам. Егоров обернулся и оглядел территорию.

— Живут же люди!

Эту фразу он произнес тоном праведника, которого попросили высказаться о грешниках. И наверняка относилось это и к участковому, которому привалило счастье обосноваться в этом поселке. Подойдя в своей «Ауди», Егоров открыл дверцу, наклонился внутрь и достал пачку сигарет.

— Покурим? — предложил он участковому.

— Бросил, — ответил Николай.

— Завидую твоей силе воли.

— А чего завидовать: у меня в тесной квартирке двое маленьких детей. Я выходил на площадку, а все равно в дом дым задувало. Вот и бросил.

— Ну да, — согласился Егоров, — дети — это хороший стимул. У Дробышева, насколько я помню, детей не было, а ведь лет ему...

— Сорок семь, — подсказал Францев и продолжил: — Прости, подполковник, но какое-то странное расследование у тебя. Ты приехал сюда один,

пытаешься собирать какие-то слухи, а не факты. Не договорился даже о встрече с девушкой Дробышева. Мы сегодня встретились почти возле их дома, но ты даже не взглянул в ту сторону.

— А я знал, где он? — удивился Егоров. — Я по навигатору шел, а потом вижу, что навстречу служебная «Нива» катит. Я тебя тормознул, а потом уже ты сам проявил активность.

— Я же еще и виноват оказался, — возмутился Николай, — что мы столько времени впустую потеряли. Сейчас-то что будем делать?

Подполковник юстиции затянулся сигаретой и промолчал.

— Если честно, — продолжил Францев, — зачем ты вообще приехал? Этим опросом и поиском свидетелей, насколько я понимаю, могли заняться ребята из местного отдела. Отправили бы кого-нибудь с практикантом и раскрутили бы здесь все на раз-два.

— Боря Пономарев, кстати начальник вашего районного комитета, — мой старый знакомый, и мы вместе с ним двадцать лет назад проходили практику у Евдокимова, — вспомнил подполковник юстиции и, поскольку участковый никак не отреагировал, объяснил: — Евдокимов — это нынешний начальник городского управления. Ходят слухи, что его в Москву переводят на повышение, ну и здесь движуха начнется. Поговаривают, что вернется Кудяров теперь уже замом начальника городского управ-

ления. Потом уж его начальником сделают — уж как пить дать. Это, конечно, все слухи, но дыма без огня не бывает, как ты и сам понимаешь.

— Человек заслужил, — спокойно оценил информацию Францев.

Следователь отбросил в сторону окурок, посмотрел на небо.

— Вроде просветлело. Я прогноз на сегодня смотрел, там никакого снега вообще не предвиделось, наоборот, потепление предсказывали. А на твой вопрос отвечу. Я здесь не просто так. Я вообще после дежурства. Накануне вечером в город прибыл Кудеяров, зашел в помещение дежурного по городу, попросил свежие сводки, а там как раз информация по убийству Дробышева пришла. И Павел Сергеевич попросил меня съездить сюда и разузнать что-нибудь. А сам он обещал после обеда подскочить, потому что с утра он проводит совещание с начальниками районных комитетов.

— Что ж ты сразу не сказал? — удивился Николай. — Это же совсем другое дело: если бы я знал, что тебя Паша прислал, то и я бы по-другому действовал, а то ведем какие-то пустые разговоры.

— Почему же пустые? — обиделся следователь. — Кое-что мы все-таки узнали.

Францев посмотрел на часы.

— Обед заканчивается, следовательно, Кудеяров скоро подъедет. Странно только, что он меня не предупредил.

— Да-да, — засуетился Егоров, — его надо обязательно встретить хоть с каким-то результатом, а потом уж можно поговорить и о деле, и вообще...

Николай не стал переспрашивать, потому что понял, что подполковник юстиции после суточного дежурства и бессонной ночи не просто так вызвался помочь московскому начальству: скорее всего, он хочет выслужиться, ведь скоро начнутся перестановки в руководстве городского управления, тогда можно будет рассчитывать на какое-нибудь повышение.

— Сейчас едем к избраннице Дробышева, — предложил следователь. — Возможно, она что-то знает. Я даже не сомневаюсь в этом, у меня профессиональное чутье, — продолжал подполковник юстиции и достал свой телефон, собираясь снова включить навигатор.

— За мной поезжай! — посоветовал Николай.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Калитка была не заперта, и все равно Францев нажал кнопку звонка. Потом еще и еще, пока наконец из переговорного устройства не отозвался усталый женский голос:

— Кто еще?

— Полиция, — ответил участковый, потом обернулся на спутника и добавил: — Со следственным комитетом.

Вдвоем вошли на территорию, и Николай почти сразу остановился:

— А как ее зовут? А то неудобно как-то спрашивать.

Егоров пожал плечами и произнес:

— Да какая разница? Мне наши сотрудники, которые работают по этому преступлению, уже отзвонились и сообщили, что прослеживается четкий коммерческий след. Не в том смысле, что это заказное убийство, хотя наверняка это так, а в том, что оно связано с бизнесом Дробышева. Фирма его существует полтора года и едва-едва в плюсы выходила. А за последнее время месячный оборот компании вдруг стал превышать семьдесят миллионов рублей. И это только то, что было декларировано. Он ведь занимался грузовыми перевозками, а значит, расчет по большей части был наличными, то есть мимо кассы и налогового контроля. Сейчас проверяют возможных конкурентов, соучредителей.

— А ты думаешь, что сейчас время говорить с ней о бизнесе?

— А когда еще? — удивился Егоров. — К тому же она у него в фирме работала. Так мы сейчас на этот предмет и поговорим.

На крыльцо вышла молодая женщина в наброшенном на плечи пуховике. Она молча дождалась, когда мужчины поднимутся на крыльцо, пропустила их в дом и вошла следом, все также не говоря ни слова.

— Вам уже сообщили? — поинтересовался Егоров.

Женщина кивнула.

Следователь вздохнул и произнес:

— Наши соболезнования.

— Где мы можем поговорить? — поинтересовался Николай, снимая куртку.

— Проходите, — сказала женщина. Сняла пуховик, повесила его на крючок вешалки и пошла в комнату. На хозяйке был черный шелковый халатик с надписью на спине. Буквы были сделаны из серебристых блесков. Ее пуховик висел на вешалке рядом со светло-палевой норковой шубкой.

Егоров быстренько сбросил на руки Францеву свое пальто и поспешил за ней.

— Вас не вызвали на опознание? — спросил он. — Всякое случается: вдруг это не Дробышев, и вот уже какая-то надежда.

— Сначала позвали, а потом перезвонили и сказали, что надобности нет, потому что бывшая жена уже подтвердила, что это Эдик. Вряд ли она ошиблась: все-таки двенадцать лет вместе прожили. А я тоже надеялась, что это не он. А теперь и надежд никаких.

— Ну не скажите, — продолжая стоять, начал рассказывать следователь. — Лет пятнадцать назад в столице был случай: взорвали одного олигарха, который бюджетные средства... как бы сказать помягче... транжирил. Вызвали в морг жену: она и мужа

опознала, и водителя — по татуировке на животе. Наследство получила: правда не все, там сразу кредиторы набежали. Но все-таки наследство огромное по нашим меркам. А потом выяснилось, что он на острове Капри проживает. Рядом с дачей писателя Горького поселился. Он дайвингом занимался. А потом так и не всплыл, говорят, под расщелину затащило. А жена...

— Бывшая жена Эдуарда сама мне позвонила, — оборвала его на самом интересном женщина, — Лариса рассказала мне, что произошло и что ее вызывали на опознание. И только потом из полиции сообщили о его убийстве.

— Какие у них были отношения? — продолжил опрос Егоров, усаживаясь за стол. — Я имею в виду Эдуарда Ивановича и его бывшую.

Хозяйка подвинула к себе стул, опустила на него и ответила:

— Нормальные. Они же все разделили: ей квартиру в городе и бизнес, а Эдуарду загородный дом остался. Все по-честному: здесь место престижное и дорогое. Эдик сразу думал продать тот дом и найти где-нибудь поблизости что-то попроще. А потом взял этот самый домик.

— Вы знаете, кто здесь жил прежде? — спросил Францев, выбирая место, где можно было бы присесть, потому что возле стола свободных мест уже не было. И отошел к диванчику, который стоял за спиной следователя.

Сожительница Дробышева кивнула.

— Как вы познакомились? — встрял подполковник юстиции.

— Я пришла к нему на работу устраиваться. Ему требовался диспетчер, но он мне отказал. Я вышла из офиса, который тогда в строительной бытовке был. Стою и плачу. Снег заметает. Холодно, я вся дрожу и не знаю, куда мне идти. Эдуард вышел и увидел меня. Начал успокаивать, спросил, почему вдруг такая реакция на отказ. Ведь я вижу, какой у него сарайчик, а не офис, и денег он много не сможет платить. Объяснила, что мне идти некуда, нет ни работы, ни жилья — хозяйка, которая сдавала мне комнату, выгнала, забрала все ценное, что у меня было: мобильный телефон, сережки золотые, что мне от мамы достались. Дробышев затащил меня обратно в вагончик, усадил возле обогревателя, хотел кофе налить, но тот у него закончился. Но он все же объяснил, что отказал мне, потому что я вроде того что очень понравилась ему, и ходить на работу и каждый раз страдать оттого, что у меня своя жизнь будет, а у него своя, он не захотел, потому что ко всем неприятностям, которые у него случились в последнее время, несчастная любовь была бы уже чересчур.

Девушка замолчала.

— А дальше что? — поторопил ее Егоров. — Как вы сошлись?

— Простите, мы не представились, — произнес Николай, которому нетерпеливость следователя

показалась излишней, — я — местный участковый подполковник полиции Францев...

— Я знаю, кто вы.

— А я подполковник юстиции Егоров. Можно просто Борис Ильич. Продолжим: как дальше развивались ваши отношения?

— Когда я согрелась немного, Эдуард мне предложил пойти куда-нибудь чайку попить. Я хотела сразу отказаться. Кажется, даже заявила, что это бессмысленное предложение. Эдик сказал, что от чашки чая еще никто не залетал, и я согласилась. Он привел меня в какой-то ресторанчик, и мы сидели целый вечер, говорили, я пила шампанское, а он был за рулем... Потом повез меня на съемную квартиру, чтобы заплатить мой долг, договориться с хозяйкой, но та даже разговаривать не стала, выбросила мои вещи... Эдуард собрал их и сказал, что не надо унижаться... Он отвез меня в свой дом... В тот еще, который потом продал... Я там дня три всего и была. То есть ночевала только. На работу мы ездили вместе, потом возвращались вместе...

— А можно посмотреть ваш паспорт? — попросил Николай. — Потому что вы, как самый близкий ему человек...

Но девушка как будто не услышала его просьбы.

— Эдуард почти сразу признался мне в любви, — продолжила она. — Я даже испугалась такой внезапности, не потому, что он мне не понравился, но все-таки он мой начальник. К служебным рома-